

Он идёт к своей волчице / рассказ

Category: Hikayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Он идёт к своей волчице / рассказ ОН ИДЕТ К СВОЕЙ ВОЛЧИЦЕ

Гильза откатилась от Матвея на противоположный край диван-кровати и прильнула к экранчику гаджета.

– Пишет Мэл, твой дружок, – сказала, набирая. – Пишет: “Как дела?”. Отвечаю: “Божественно”. А все благодаря тебе. Благодаря твоему члену.

Матвей к тому моменту полностью оделся и стоял посреди комнаты в некоторой нерешительности.

– Благодаря члену? – переспросил, сел на стул. – А это не объективация? – он скрестил на груди руки.

– Выражение же такое, – Гильза подняла брови, отложила гаджет.

– Просто выражение. Знаешь, как в Турции говорят? Еду кто сготовил классную – “спасибо твоим рукам”, говорят. Песню спел от души – “спасибо твоему рту”. Ну что ты. Какая объективация. Я люблю не только твой член. Не смотри так! – взмолилась. – Объективируешь!

Она встала с диван-кровати, худенькая, особенно нагая и беззащитная с выбритой налысо головой, торопливо оделась. Села обратно, облокотилась на стенку, застегнула просторную рубашку на одну пуговицу, чтобы защитить от взгляда грудь.

– Вообще перестал что-либо понимать, – признался Матвей. – Объективация... Да что ты вообще вкладываешь в это понятие.

– Мы люди, Матвей, люди, – проговорила Гильза, закуривая, пристраивая пепельницу на подлокотнике. – Не волки.

– Хищно типа посмотрел? – без тени раскаяния уточнил Матвей.

– Не. Не в том дело, – Гильза курила, и между слов образовывались красивые паузы. – Окей. Я объясню тебе, что такое объективация, – глубоко затянулась, помедлила. – Ты ведь знаешь, я по классике угораю, по музыке классической. У меня абонемент в бельэтаже в консерве. Выбираюсь при первой

возможности. Ну, ты знаешь. И вот живем мы с тобой, допустим, дружеским семейством. С тобой! Не с Мэлом. Возвращаюсь я к тебе, допустим, поздно вечером. Ну че, Гильза, как жизнь? Это ты меня спрашиваешь. Да нормас, говорю. В консерве была. Басы – огонь; скрипки, альты – огонь; виола да гамба – ну просто нет слов. Душевный оргазм. Полное слияние. Как отреагируешь? Поздравляю, мол, Гильза, классно время провела, да? Рад, мол, от души за меня? погоди, не перебивай, дай дорасскажу.

– Да я уже знаю, что дальше будет, – улыбнулся Матвей.

– Нет, ты выслушай! Прихожу! Где, мол, была? С парнями была! С Мэлом и еще с одним, в баре познакомилась! Из бара в такси и на хату съемную! Мэл под баклофеном, трахается как бог, да и другой не промах! Оргазм за оргазмом! На это как отреагируешь? Слабо за меня порадоваться? Слабо проникнуться? А? Молчишь, улыбаешься. Хрен ли веселого? За куклу держишь, за скотину домашнюю. Объективация как она есть. Слушай, слушай скрипочку, это можно, это окей. А поближе к телу ни-ни, это фу, нельзя. Дурачки вы. И ты. И Мэл. Делаете вид, что продвинутые. А в душе то же, что у обывателя гребаного. Моя, добыча, моя! Сам загнал, сам разделал!

– Я не делаю вид. Я признаю, что это в природе вещей. Да, добыча. Да, охотничий инстинкт. Но ты не оставляешь выхода. И Мэла мучаешь. Бросай ты фокусы. Сто раз предлагал. Будем вместе, будем друг для друга.

– Одевайся, потопали, – Гильза встала, застегнула рубашку на оставшиеся пуговицы, заправила рубашку в джинсы, вышла в коридор, стала наматывать шарф, надевать пальто...

– Чего опять выдумала, дуреха ты дуреха, – вздохнул Матвей, надевая по примеру Гильзы верхнюю одежду.

Гильза не ответила. Вышли на лестничную площадку, спустились пешком на первый этаж (оба любили пешком), вышли наружу. Холодало, сверкал хрупкий снег. Гильза повела дворами, вскоре у них на пути возникли заграждения, протиснулись. Одна за другой располагались пятиэтажки под снос. Жильцов давно выселили, двор был перекопан, детская площадка разворочена; первый этаж одной из пятиэтажек занимал когда-то гастроном “Пятерочка”. Дверь в гастроном отсутствовала, и они вошли

внутри. Света не было; в свечении законных сумерек белели пустые полки, вислась из кассового аппарата чековая лента; вислась на полу пирамида из манной крупы. Они пересекли торговый зал; в глубине в дальнем углу помещения виднелась приоткрытая дверь, и Гильза пригласила Матвея в проем. Они вошли. Это было что-то вроде подсобки размером с железнодорожное купе; стены из серого бетона, под потолком светлело окошко. В комнатке ничего не было, ни табуретки, ни полка, ни мусоринки на пустом полу. Сбоку от входа Матвей нашарил выключатель, но света, разумеется, не было. Изнутри дверь запиралась на небольшую щеколду, и Матвей раздумывал, стоит ли им запереться, или лучше пока не надо.

– Секс в необычном месте? – зачем-то произнес.

– Типа того, – Гильза чуть покривилась. – Только уже без меня. Хочешь вместе-навсегда, вот и получай. Тело – оболочка, да? Ну его на фиг. А тут моя суть, Матвей. Может, и не совсем моя... Ладно. Лень объяснять, скоро сам поймешь. Счастья в личной жизни! – Гильза ловко, в один поворот, выскользнула из тесного помещения; Матвей осмотрелся повнимательнее, снова бессмысленно щелкнул выключателем, посветил телефонным фонариком. Не обнаружив ничего достойного внимания, вышел, миновал пустые полки. На улице огляделся, но Гильзы нигде не было.

– В Ростов укатила. На Дону который, – объяснил ему Мэл спустя полторы недели.

Матвей сидел на той самой диван-кровати дома у Мэла. Они передавали друг другу косяк. Трава была отменная, но Матвей грустил. Гильза не отвечала на сообщения, и он без спроса нагрянул к Мэлу, надеясь застать обоих. Но Мэл оказался один.

– А в Ростове что, – бесцветно поинтересовался Матвей.

– А я знаю, – в тон ответил Мэл. – Старые знакомства, новые знакомства.

– Завидую я тебе, Мэл. Жили вместе, делили судьбу.

– Это да. Затрахали друг друга в прямом и переносном смысле.

От второго косяка Матвей отказался и поспешил покинуть друга. Он вспомнил о гастрономе, о комнате. Быстро вышел, бесшумно зашагал по свежим сугробикам. Думал, забыл дорогу, однако легко сориентировался. Снова были сумерки, но гуще, чем тогда, и в подсобной комнате не было видно почти ничего. Матвей закрылся на щеколду. “ПРИВЕТ” – раздался голос у него в голове, не мужской, не женский, не механический; слово-то, собственно, и вовсе не прозвучало, не было ни голоса, ни слова, но Матвей всем собой ощутил этот “ПРИВЕТ”. “Ну, привет” – ответил вполголоса, выдохнув облачко пара (помещение не отапливалось). “С ЧЕМ ПОЖАЛОВАЛ?” – ощутил Матвей, и вдруг затрясся, готовый вот-вот расплакаться... С одной стороны, он был рад встрече, с другой же, чувствовал себя фатально ее недостойным, и вот он трясся от презрения к себе, и вдруг сорвал с себя всю одежду, и опустился на колени. Холода он не почувствовал, лишь стыд, лишь смехотворность своих никчемных обстоятельств... “ОЧЕНЬ ХОРОШО. ТЕПЕРЬ ПРИСТУПАЙ” – поступил приказ. “ВЕДЬ ТЫ МЕНЯ ЛЮБИШЬ, НЕ ТАК ЛИ?” – “Да, да...” – забормотал Матвей, устремляясь ладонью себе в пах. “ОТЛИЧНО, ОТЛИЧНО!” Вдохновившись похвалой, он взялся за дело и вскоре достиг кульминации. На бетонном полу различились упавшие капли. Все смолкло. Матвей будто очнулся от наваждения, медленно распрямился, стал одеваться... Будто усомнившись в реальности только что свершившегося, стал чего-то высматривать, светить телефончиком... Его капель нигде не было видно, комната, очевидно, впитала их без остатка за считанные мгновения... Матвей оделся, вышел, вдохнул побольше морозного воздуха.

Гильзу он встретил совершенно случайно на концерте группы “Аукцѳон”. К тому моменту у нее прилично отросли волосы, и она выкрасила их в ярко-оранжевый. Гильза была одна, Матвей тоже, и они немного посидели в баре после концерта.

– Эта “Пятерочка”, эта тайная комната... – засокрушался Матвей.
– Что это, что это все такое, скажи на милость!

– Какая пятерочка? Какая комната? – громко переспросила Гильза, в клубе фоном звучала музыка, и приходилось ее перекрикивать.

– Я бываю там каждую неделю, реже – раз в десять дней, – признался Матвей подруге. – Никогда не хочу туда, но всякий раз оказываюсь. Ты знаешь, сейчас уже серьезный минус, градусов десять-двенадцать, помещение не отапливается, а я всякий раз раздеваюсь, ведь мы занимаемся сексом, но я никогда не чувствую холода, что-то согревает, возможно, это внутренний огонь.

– Сексом, с кем? – Гильза допила через соломинку свой коктейль.

Матвей посмотрел на Гильзу как рыба, онемевше, беспомощно.

– Ну как, – вымолвил. – Ты сама... Сама же тогда... Неужели не помнишь?

– Столько всего произошло за два месяца, – Гильза спрыгнула с высокого стула, шлепнула о стойку пятисотрублевой купюрой, – Знаешь, пойду. Не провожай, у меня свидание. Рада была повидать, – на прощание Гильза адресовала Матвею короткий воздушный поцелуй.

Матвею и не хотелось провожать. Гильза отныне была ни при чем, понял он.

Матвей познакомился с Линой. Он жил один, и Лина стала его частой гостьей. Засыпая с ней в обнимку, он смутно припоминал свою комнату, моментальным фотоснимком она вспыхивала у него в сознании, после чего засыпал. Хождения в “Пятерочку” на время прекратились. Подступило душное лето, Лина предложила пожить месяцок-другой на море, развеяться, Матвей теоретически был за, но что-то останавливало, терзало чувством долга, перед отъездом следовало определенно нечто осуществить. Нашел было в интернете выгодный авиатариф, едва-едва начал заполнять виртуальный бланк, но перескочил вдруг на другой сайт, где имелся плановый график городской застройки. Он решил уточнить, когда, наконец, снесут те пятиэтажки, захотел выяснить

конкретные даты, но только запутался. Было раннее утро, Лина спала, и Матвей вышел пройтись. Идти было недалеко. Заграждения оказались на месте; издали все выглядело точно так же. Строительные работы, кажется, за эти восемь месяцев нисколько не продвинулись. Матвея заколотило. Не в силах пересечь ограждений, он вернулся домой; Лина тем временем проснулась.

– Да, я готов уехать, – объявил ей Матвей. – Видел вчера билеты недорого. Но мне нужна твоя помощь. Сходишь со мной в одно место?

Лина согласилась. В “Пятерочке” все оставалось по-прежнему, свисала чековая лента, белела на полу крупа. Подсобное помещение на этот раз не произвело на Матвея никакого эффекта, а на Лину подавно.

– Тянет сюда, понимаешь? Хожу и хожу, – произнес, будто извиняясь за неловкость ситуации, заодно сгорая от стыда за то, что утаивает от Лины самое сокровенное. Он зачем-то снова щелкнул неработавшим выключателем.

– Понимаю-понимаю, – Лина хозяйски осматривалась. – Детский страх, да? Плюнуть и забыть, – Лина неожиданно взаправду плюнула на бетонный пол, и Матвей в ужасе стал смотреть во все глаза, ожидая немедленного чудесного исчезновения ее слюны, как это бывало всякий раз со сгустками его семени... Но плевков искрился на полу как ни в чем не бывало, и Матвей в досаде растер слюну подошвой. Они вернулись домой, он быстро заказал билеты.

В день вылета Лина должна была встретить его в три часа дня. Утро оказывалось свободным, и Матвей решил наведаться напоследок в “Пятерочку” – проститься. На пороге гастронома его вновь затрясло, перехватило дыхание, застучало сердце, но он, сделав волевое усилие, решительно проследовал мимо полок к себе в подсобку, вошел, задвинул щеколду. “Я НЕДОВОЛЬНА. КТО ЭТА ЖЕНЩИНА?” Комната впервые заявила о себе в женском роде, обратил внимание Матвей. Его это, впрочем, совсем не удивило.

“Между нами все кончено” –объявил он, храбрясь, – “Я уезжаю на юг”. “ТЫ МНЕ БОЛЬШЕ НЕ ПОНАДОБИШЬСЯ, –раздалось в ответ, – В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ ТЫ ПРИДЕШЬ КО МНЕ, ЗАХВАТИВ СВОЙ САМЫЙ ОСТРЫЙ НОЖ, И ПРОНЗИШЬ СЕБЕ СЕРДЦЕ”. “Нет, – ответил Матвей. – Никакого следующего раза. С какой стати мне к тебе возвращаться”. “ЭТО МЫ ЕЩЕ ПОСМОТРИМ” –ощутилось в ответ, дальше раздалось нечто вроде звука помех в старом советском телевизоре, и Матвей понял, что комната смеется. “Я люблю Лину!” – зачем-то выкрикнул он, но уже в пустоту, и ответом была тишина.

Они с Линой побывали на море, осенью Лина переехала к нему домой. Он был почти счастлив в тот период, но чего-то стало недоставать. Он вспомнил о комнате. В интернет-магазине “Охотник” заказал массивный разделочный нож, потребовалось также уладить вопрос с нелегальным приобретением справки о праве на ношение холодного оружия, что заняло, по счастью, совсем немного времени. Курьер прибыл вечером, вручил Матвею заказ, а заодно и справку. “Кто это был?” – спросила Лина из спальни. “Так” – ответил Матвей, и Лина ничего не заподозрила. Рано-рано, пока Лина спала, Матвей отправился к цели и быстро достиг ее –привычно закрылся, разделся и без раздумий вонзил себе нож между ребер, даже не поздоровавшись, даже не обменявшись парой реплик; его лицо скрутила гримаса боли; тогда Матвей вынул кровавое лезвие, всадил еще и еще, в разные места – сильнее, глубже с каждым ударом, чувствуя небывалое доселе остервенение, и вот уже гнев улетучился; Матвей упал на пол, лицо озарили покой и блаженство.

Его потом искали и там, в подсобке, куда Лина указала дорогу, но совершенно безрезультатно.

Алексей ЛЕВИНСКИЙ. Neкаýalar